

Н.М.Карамзин

О сравнении древней, а особливо греческой, с немецкою и новейшею литературою

Сочинение Гроддека, доктора философии {*}

{* Из "Allgemeiner deutscher Bibliothek" ("Всеобщей немецкой библиотеки" (нем.). - Ред.), второй части девяносто первого тома.}

Немецкое ученое общество в Мангейме предложило вопрос: "Дошли ли немцы в некоторых родах поэзии и красноречия до римлян и греков или не превосходили их в чем-нибудь?" Сочинитель, известный уже ученому свету по другому своему сочинению - "De Hymnorum Homericorum. reliquiis" {"О сохранившихся гомеровских гимнах" (лат.). - Ред.}, исследывает сей вопрос, не думая о награждении. Подлинно ли можно решить его? Можно ли так точно сравнивать древнюю литературу с новою? А если должно, то какие будут главные пункты сего сравнения? - Вопрос: поравнялись ли мы с древними и не превосходили ли их? - в самом деле, весьма труден; но если бы и легко можно было решить сей вопрос, то все к чему бы нам было меряться с древними? Разве для того, чтобы оставить их и, таким образом, избавиться от трудных изъяснений? Или для того, чтобы, поравнявшись с остроумнейшим народом на земном шаре, заснуть на лаврах своих с приятною мыслию: я с ним ровен? Или, может быть, для того, чтобы увидеть еще недостающее нам к совершенству? Но здесь рождаются новые вопросы. Точно ли творения древних в словесных науках могут быть для поэта и оратора такими верными образцами, как правила Поликлетовы для художника? Не есть ли красота и совершенство нечто весьма относительное или, лучше сказать, нечто такое, чего во всей чистоте не найдешь ни у какого народа и ни в каком сочинении? Только в сравнении копии с оригиналом могу я точно определить, чего недостает в первой для совершенного сходства с последним. Но разве сочинения наши суть не что иное, как копии древних? И разве древние без всякого исключения могут быть для нас оригиналами? - Сочинитель хотел дать почувствовать некоторые из сих затруднений, имеющих влияние на решение вышеупомянутого вопроса. Совершенство в творениях древних, говорит он, или то, что в них нравится, не есть одно. Оно различно, по разным временам, в которые цвела поэзия у древних. Вкус подвержен был многим переменам. Певец природы поет не так, как просвещенный поэт, а просвещенный не так, как ученый. Какой род изящности надобно избрать мерилом? К тому же мы не имеем еще довольно числа примеров, чтобы о достоинстве греческой литературы сказать нечто решительное. Некоторые из лучших греческих писателей (например, Менандер и все поэты новой комедии) пропали; обо многих же греческих творениях в словесных науках имеем мы только историческое сведение. Но какое же есть главное различие между древнею и новою поэзиею, различие, столь затрудняющее всякое сравнение между ими? Яснее всего увидим его, когда сравним обстоятельства, в которых образовалась поэзия древних и наша поэзия. У греков происходит и образуется она во время детства и юности нации. Гомер беспримерен и неподражаем для того, что он писал или пел в сих обстоятельствах. Некоторые из оных не переменялись еще долгое время. Язык Гомеров остался языком эпических поэтов, и содержание песней их было отчасти то же. Долго были поэмы вместилищем полезных знаний, и более всего из них учились. Грек возрастал среди идей и образов древнейшего времени и живо чувствовал красоты того искусства, которому надлежало прославлять всякое народное торжество. Сколь же, напротив того, отменны обстоятельства поэзии в нашем отечестве! Песни древних бардов едва ли стоят того, чтобы жалеть о потере их. Песни так называемых любовных певцов {Minnesinger - старинные немецкие или швабские поэты, сочинявшие по большей части любовные песни.} для нас то же, что потеряны; потому что язык наш совсем переменился - и в самые те времена, как они сочиняемы были, действовали они более на высшие состояния, нежели на народ. Цеховые стихотворцы {Сей цех существует еще и ныне в Ниренберге, в Стразбурге и в других городах Верхней Германии и состоит из учителей и из учеников. Должность их есть та, чтобы петь песни в своих торжественных собраниях.} совсем унизили поэзию. Даже и теперь, когда превосходные поэты извлекли ее из всеобщего презрения, сколь еще отлично то участие, которое берет в ней народ, от того, которое брали греки в своей поэзии! Национальный дух, который их оживлял и заставлял знать историю своего отечества, нам совсем неизвестен. Мы духом своим живем более в других народах, нежели в собственном своем; а грек образовался среди греков и творения свои брал из самого себя. Язык наш есть язык богатый и философский, но для поэзии время его почти прошло.